

К.А. Хворостова (Москва, Россия)

Символика водной стихии в романах Т. Харди

Аннотация: Статья посвящена анализу функционирования водной символики в уэссекских романах Т. Харди разных лет. Рассмотрение образов, связанных с водой, позволяет сделать вывод, что данная стихия приобретает в романах писателя амбивалентный характер и тяготеет к архетипу, сочетающему в себе полярные начала жизни и смерти. Являясь проекцией эмоционального состояния персонажей, стихия воды становится воплощением незыблемости законов природы – наиболее влиятельной сферы бытия в натуралистском мировидении Харди.

Ключевые слова: Томас Харди, уэссекские романы, символ, архетип, мотив, натурализм

К.А. Khvorostova (Moscow, Russia)

The Symbolism of Water Images in Th. Hardy's Novels

Abstract: The article is devoted to the analysis of symbolic water images in Thomas Hardy's novels written on different stages of his literary career. Having observed various meaningful images, one can conclude that in Hardy's novels water element appears to be ambiguous and acquires the archetypal features combining such ambivalent concepts as life and death. Reflecting the emotional state of characters, water element embodies the power of nature – the mightiest force in Hardy's naturalist worldview.

Key words: Thomas Hardy, Hardy's Wessex novels, symbol, archetype, motif, naturalism

Английский писатель Томас Харди (Thomas Hardy, 1840–1928) является создателем одного из самых ярких полумифологических топосов в литературе – патриархального графства Уэссекс (англ. Wessex), название которого восходит к королевству древних саксов (V–IX вв.). Этот вымышленный, живущий по своим внутренним законам универсум, где происходит действие большинства хардиевских романов, становится воплощением преемственной связи прошлого и настоящего, символом вечной, бунтующей природы, отчаянно сопротивляющейся экспансии городской цивилизации [Толмачёв 2016: 364].

В творчестве Харди затерянный в непроходимых лесах Уэссекс противопоставит всему урбанистическому, буржуазному и просто суетному. Обитатели Уэссекса, в отличие от горожан, сохраняют органическую связь с естественными природными

ми циклами, памятью предков, родом, почвой. В этом полуязыческом мире, носящем отпечаток дохристианского уклада, как нигде ощущается обожествление природы – земли, растений, рек и камней. Однако в натурфилософском видении Харди природа представляет собой громадное «энергетическое поле», чьи произвольные, не поддающиеся рационализации механизмы реализуются и в космическом, вселенском измерении [Толмачёв 2016: 365]. Роковая воля природы, ее безотказный детерминизм способны вмешиваться в судьбы людей, разрушать чаяния и надежды даже самых одаренных из них. Конфликт, возникающий на почве столкновения личных интересов, грез героя и надличных, естественных законов мироздания, разрастается в произведениях Харди до масштабов вселенской трагедии. На реализацию данного конфликта в прозе английского писателя работают природные образы-символы, перерастающие в стойкие лейтмотивы и отображающие «мифологические и архетипические отношения человека и природы» [Chifane 2012: 57].

В изображении естественных феноменов в романах «Возвращение на родину» («The Return of the Native», 1878), «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» («Tess of the d'Urbervilles», 1891) и «Джуд Незаметный» («Jude the Obscure», 1895), входящих в так называемый уэссекский цикл, прослеживается определенная логика, раскрывающая творческий метод Харди: большинство образов, наделяемых символическим содержанием, оказываются напрямую связаны с четырьмя природными стихиями: огнем, водой, воздухом и землей. Символизация стихий, характерная для писателей-натуралистов, позволяет Харди апеллировать к образам, как бы заложенным в коллективном знании и опыте человечества, нащупывать и опознавать особый смысл в уже известных, не изобретенных творческой фантазией символических сущностях.

Среди образов, наделяемых в романах писателя символическим содержанием, наиболее частотными оказываются образы, связанные со стихией воды: это и светлые воды реки Фрум, протекающей через графство Уэссекс; и быстрые ручьи, дающие жизнь долине и пастбищу; и мутные, поросшие дроком и вереском водоемы, таящие опасность. Прежде всего, вода, как «стихия наиболее женственная, постоянная и единообразная» [Башляр 1998: 22], в художественном мире Харди реализуется в своем первостепенном значении – материнского источника, питающего жизнь. Так, например, через изображение пруда возле дома капитана Вая в III главе III книги романа «Возвращение на родину» читатель оповещается о пробуждении природы от зимнего сна, о начинающемся движении и всеобщем оживлении: «The pool outside the bank by Eustacia's dwelling, which seemed as dead and desolate as ever to an observer who moved and made noises in his observation, would gradually disclose a state of great animation when silently watched awhile. A timid animal world had come to life for the season. Little tadpoles and efts began to bubble up through the water, and to race along beneath it» [Hardy 2000: 195].

Важнейшие символические образы романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» также связаны со стихией воды, воплощающей непреложное, космически упорядоченное движение жизни, циклы ее «приливов и отливов». В частности, воды реки Фрум, приветствующие Тэсс в долине Больших Мыз, становятся символом светлых надежд героини на счастье и благосклонность судьбы: «The river itself which nourished the grass and cows of these renowned dairies flowed not like the streams in Blackmoor. Those were slow, silent, often turbid; flowing over beds of mud into which the incautious wader might sink and vanish unawares. The Fromm waters were clear as

the pure River of Life shown to the Evangelist, rapid as the shadow of a cloud, with pebbly shallows that prattled to the sky all day long» [Hardy 2005: 119]. С другой стороны, образ реки получает в данном эпизоде и библейское измерение, поскольку упоминание евангелиста, увидевшего «реку жизни», отсылает к Откровению Иоанна Богослова (22:1): «And he shewed me a pure river of water of life, clear as crystal, proceeding out of the throne of God and of the Lamb». В связи с этим образ «реки жизни» может трактоваться и как обещание спасения Тэсс и, что более важно, прощения ее греха.

Помимо заключенных в ней первоначальной витальности, материнского начала, еще одним важнейшим свойством воды является ее оплодотворяющая сила, дающая жизнь и движение безжизненной материи. Способность воды пробуждать романтические грезы, по мнению французского философа Г. Башляра (1884–1962), уходит корнями в мифологию [Башляр 1998: 44] и обнаруживается, например, в мифе о Нарциссе, безнадежно влюбленном в собственное отражение и зачарованном водной гладью. Стоит отметить, что уже на стадии мифа водная стихия, пробуждающая чувственное влечение, смертное томление, становится источником некоей опасности, угрозы, метафорой исчезновения и даже смерти. По этой причине мотивы воды в художественном мире Харди часто оказываются сопряжены с изображением «круговорота» человеческих отношений, с рождением одних чувств и угасанием других.

Прежде всего, наиболее часто водная стихия проявляет себя в эпизодах, посвященных развитию романтической коллизии. Так, в романе «Возвращение на родину» пруд возле капитанского дома является местом тайных свиданий Юстасии Вай и Деймона Уайлдива, а кроме того он становится своеобразным «сообщником», «пособником» молодых людей: плеск воды от брошенного в пруд камешка служит для Юстасии условным сигналом, означающим приход Уайлдива. Однако страсть героев, являющаяся «порождением» огня (ранее Юстасия призвала возлюбленного, разведя большой костер), закономерно «гаснет», когда они приближаются к водоему; начинаются ссоры и упреки, приводящие к размолвке: Юстасия обвиняет Уайлдива в том, что он оставил ее ради двоюродной сестры Клайма Томазины Ибрайт. Вода, возникающая в сцене свидания, при завязке любовной коллизии сигнализирует о будущем трагическом итоге отношений Юстасии и Уайлдива: в финале романа герои тонут.

Символичен мотив воды и в сцене первого разговора Юстасии и Клайма Ибрайт, происходящего в III главе III книги. Сгорающий от любопытства молодой человек приходит в усадьбу капитана, чтобы взглянуть на загадочную особу, там проживающую. Дело в том, что Клайм, сам того не зная, уже встречался с переодетой в Турецкого рыцаря девушкой во время святочного представления в доме его матери, и теперь он надеется познакомиться поближе с таинственной незнакомкой. Встреча героев лицом к лицу, срывание покровов и разоблачение происходят возле глубокого колодца. Именно здесь Клайм впервые поддается чарам неземной красоты Юстасии. Темная, пугающая бездна колодца, поросшего «странными листьями, для которых не существовало времен года» («Strange humid leaves, which knew nothing of the seasons of the year...») [Hardy 2000: 186], отсылает к темному эросу и является предзнаменованием трагического итога отношений героев: Юстасия станет причиной смерти миссис Ибрайт, что приведет к ее разрыву с Клаймом и воссоединению с Уайлдивом. Тем не менее именно колодец становится в данном эпизоде инициатором романтических отношений, той

точкой, где начинается «первый акт вековечной драмы» (название III главы «The First Act in a Timeworn Drama»): Клайм набирает воды для Юстасии, но девушка, желая помочь молодому человеку, ранит руку в попытке удержать опущенное в воду ведро. Алая кровь (крайне важный натуралистский символ) на ладони героини также становится символом рока, предзнаменованием трагедии.

Возникновение колодца в данном эпизоде может трактоваться и на библейском уровне и отсылать к ветхозаветному сюжету, посвященному описанию встречи Иакова и Рахили [Быт. 29:1–9]. В Книге Бытия колодезная вода трактуется как символ истины, позволяющей Иакову узнать свою возлюбленную, однако в случае романа Харди данная библейская аллюзия приобретает оттенок горькой иронии. Юстасии, претендующей на роль Рахили (супруги Клайма, его верной спутницы), суждено стать Лией – своего рода «лишней» девушкой, одинокой и всеми отвергнутой.

Катализатором сближения влюбленных и их постоянным спутником оказывается вода и в ряде эпизодов романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». В XXIII главе образовавшаяся из-за ночного ливня лужа мешает Тэсс и ее товаркам, надевшим тонкие ботинки и светлые платья, пройти к меллстокской церкви. Опаздывая на воскресную службу, доильщицы решают пойти в обход, когда в поле их зрения возникает Энджел Клэр, спокойно пересекающий лужу в высоких сапогах. Желая помочь попавшим в беду девушкам, Энджел переносит их на руках через затопленный участок дороги, однако главная цель «спасательной операции» видится герою в возможности побыть наедине с Тэсс, чувства к которой уже пробудились в его сердце. Именно водная стихия в данном эпизоде способствует сближению Тэсс и Энджела, спасающего «трех Лий ради одной Рахили»: «And almost before she was aware she was seated in his arms and resting against his shoulder. “Three Leahs to get one Rachel,” he whispered. <...> “I did not expect such an event today.” “Nor I. The water came up so sudden”. That the rise in the water was what she understood him to refer to, the state of her breathing belied» [Hardy 2005: 160]. Вода словно соединяет героев в одно целое, толкает их навстречу друг другу, оживляя взаимную страсть и парализуя волю. Видя в Тэсс Рахиль (повторное обращение к данному библейскому эпизоду – еще одна «горькая» аллюзия), Энджел Клэр не осознает, что его возлюбленной (в чем видится связь между образами Юстасии и Тэсс) гораздо ближе роль Лии – «лишней» девушки, покинутой жены, изгоя.

Примечательно, что произошедший случай усиливает чувства не только Тэсс, поскольку Мэриэн, Рэтти и Изз, отчаянно влюбленные в Энджела Клэра, также начинают испытывать страсть и волнение. Так, вода разжигает «внутреннее пламя», терзающее сердца четырех девушек. Страсть, катализируемая водой помимо их воли (стихией, как было отмечено ранее, женственной, материнской), стирает индивидуальности героинь, превращая их в одно целое, в слитый воедино образ страдающей и любящей женщины, реализующей свою природу в чувственной сфере: «The air of the sleeping-chamber seemed to palpitate with the hopeless passion of the girls. They writhed feverishly under the oppressiveness of an emotion thrust on them by cruel Nature's law – an emotion which they had neither expected nor desired. The incident of the day had fanned the flame that was burning the inside of their hearts out, and the torture was almost more than they could endure. The differences which distinguished them as individuals were abstracted by this passion, and each was but portion of one organism called sex» [Hardy 2005: 162].

Дальнейшему развитию романтических отношений Тэсс и Энджела также сопутствуют образы, связанные с водной стихией. В первом абзаце XXIV главы

романа повествователем вводится мотив неизбежности страсти, попасть под влияние которой суждено героям: тучные и теплые испарения реки Вар становятся символом оплодотворяющих сил природы, побуждающей все живое к сближению: «Amid the oozing fatness and warm ferments of the Var Vale, at a season when the rush of juices could almost be heard below the hiss of fertilization, it was impossible that the most fanciful love should not grow passionate. The ready bosoms existing there were impregnated by their surroundings» [Hardy 2005: 164]. Последовавшее в XXX главе объяснение в любви происходит под проливным дождем, сокращающим дистанцию между Тэсс и Энджелом (девушка вынуждена прижаться к герою, чтобы не промокнуть), а в XXXI главе журчание воды становится аккомпанементом тихих разговоров влюбленных, уже открывших друг другу свои чувства.

Катализатором плотского влечения является вода и в эпизоде романа «Джуд Незаметный». Первая встреча Джуда и Арабеллы происходит на берегу ручья: герой видит сидящих у воды девушек, увлеченных отнюдь не романтичным занятием – промыванием свиной требухи. Соседство бегущего ручья со свиномыльницей, ассоциирующимся с грязью и порочностью, явно намекает на недолжное влечение, зарождающееся в сердце Джуда. Гуляя вдоль берега и оставаясь разделенными водой, герои сходятся на мосту, где Джуд, ослепленный плотской красотой Арабеллы, приглашает ее на свидание. Бегущий ручей становится метафорой страсти и темной работы эроса, уносящих героя в бездну: «He gazed from her eyes to her mouth, thence to her bosom, and to her full round naked arms, wet, mottled with the chill of the water, and firm as marble. <...> Jude felt himself drifting strangely, but could not help it» [Hardy 2002: 35].

Пробуждая в хардиевских персонажах влечение и желание, вода вполне реализует и темное, пугающее, смертное начало: из «материнского лона», дающего жизнь, вода превращается в стихию, вершащую слепое правосудие и требующую подаренную жизнь обратно. Примером тому служит ряд эпизодов в романе «Возвращение на родину». Так, недобрый знамением, провозглашающим приближение смерти, неотвратимого, является пересохший пруд, который видит миссис Ибрайт совсем незадолго до своей случайной смерти от укуса змеи: «All the shallower ponds had decreased to a vaporous mud amid which the maggoty shapes of innumerable obscure creatures could be indistinctly seen, heaving and wallowing with enjoyment» [Hardy 200: 282]. Из источника жизни вода превращается в теплую, вязкую субстанцию, в которой отсутствует жизнь в привычном понимании.

Важнейшую роль мотив воды играет в финальных главах романа, повествующих о бегстве и трагической гибели Юстасии и Уайлдива. Водная стихия реализуется здесь сразу в двух вариантах – в виде проливного дождя, а также темных, бурлящих вод Шэдуотерской плотины, где тонут герои. В сцене бегства Юстасии из дома в VII главе VI книги дождь предстает как олицетворение грозных сил природы, которая восстает против непокорной женщины, пожелавшей изменить естественный порядок вещей. Грозовые тучи «душат» лунный свет, из-за чего Юстасия вынуждена блуждать в темноте: «It was a night which led the traveller's thoughts instinctively to dwell on nocturnal scenes of disaster in the chronicles of the world, on all that is terrible and dark in history and legend – the last plague of Egypt, the destruction of Sennacherib's host, the agony in Gethsemane» [Hardy 2000: 364]. Картина разгулявшейся стихии подготавливает почву для дальнейшей трагедии, а библейские аллюзии (сравнение бури с казнями египетскими [Исх. 7:20–12:29] и поражением войск ассирийского царя Синаххериба [4Цар. 18:35–36]), придают

всему происходящему надвечный, универсальный характер, усиливая ощущение свирепой мощи непреложных законов мироздания, всегда одерживающих верх над суетными устремлениями человека.

Блуждающая в темноте Юстасия гибнет в водах Шэдуотерской плотины, унося за собой Уайлдива, прибывшего мгновением позже, чтобы ее спасти. Причина падения Юстасии в бурлящий водоворот остается загадкой: героиня либо оступилась и случайно рухнула в бездну, либо, поддавшись отчаянию, приняла решение оборвать собственную жизнь. Гибель бывших любовников в потоках воды кажется закономерной: запретная пламенная страсть женщины, сотворенной из огня, и мужчины, этим огнем соблазненного, навеки «гаснет» под напором бушующих вод.

Сходную функцию получает и образ бурлящей реки Фрум в XXXVII главе романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», когда блуждающий во сне Энджел Клэр, болезненно пораженный историей Тэсс, направляется в заброшенный склеп и переносит девушку через реку по узкому мостику. Данная сцена отсылает к упомянутому ранее эпизоду XXIII главы, когда Энджел переносил Тэсс через лужу, однако здесь символика водной стихии реализуется иначе. Из источника страсти и влечения вода превращается в темный символ смерти и забвения, которых жаждет Тэсс, страдая из-за перемен, произошедших в сердце ее супруга: «The swift stream raced and gyrated under them, tossing, distorting, and splitting the moon's reflected face. <...> If they could both fall together into the current now, their arms would be so tightly clasped together that they could not be saved: they would go out of the world almost painlessly <...> His last half-hour with her would have been a loving one; <...> The impulse stirred in her, yet she dared not indulge it, to make a movement that would have precipitated them both into the gulf» [Hardy 2005: 268]. Взывая к Тэсс и пробуждая в ней желание броситься в поток, вода становится воплощением синтеза двух сил: стремление к любви переплетается со стремлением к смерти. Амбивалентность водной стихии, явленная в данном эпизоде, позволяет отметить ассоциативную связь с мифом о Нарциссе, где стремление к любви, навеянное отражением в воде, также оборачивается тяготением к гибели.

Итак, в художественном мире Харди образы, связанные с водной стихией, получают разностороннее символическое толкование: являясь источником жизни и витального начала, вода становится своеобразным коррелятом эмоционального состояния хардиевских персонажей, воплощая собой влечение, страсть и любовь. Кроме того, стихия воды трактуется и как символ угрозы, опасности, забвения и смерти. Данные смыслы, выделяемые при анализе романов Харди, проливают свет на амбивалентную природу водной стихии и позволяют увидеть в ней черты архетипа, соединяющего в себе полярные начала. В расширительном смысле вода, играющая человеческими страстями, в натуралистском мировидении Харди становится совокупным воплощением незыблемости законов природы, тайные силы которой управляют человеком посредством его страстей, свидетельствуя о его малости, незначительности.

ЛИТЕРАТУРА

Башиляр Г. Вода и грезы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. 268 с.

Толмачёв В.М. Английский роман: от Т. Харди до Дж. Голсуорси // Зарубежная литература конца XIX – начала XX века: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2016. С. 359–368.

Chifane C. The Symbolism of Nature in Thomas Hardy's Wessex Tales and Novels // University of Bucharest Review: Literary and Cultural Studies Series. 2012. № 1. P. 58–64.

Hardy Th. Jude the Obscure. New York: Oxford University Press, 2002. 464 p.

Hardy Th. Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman Faithfully Presented. New York: Oxford University Press, 2005. 483 p.

Hardy Th. The Return of the Native. New York: Modern Library, 2000. 426 p.

REFERENCES

Bachelard G. (1998) Water and Dreams. Moscow. Humanitarian Literature Publishing. 268 p.

Chifane C. The Symbolism of Nature in Thomas Hardy's Wessex Tales and Novels. *University of Bucharest Review: Literary and Cultural Studies Series*. 2012. No 1, pp. 58–64.

Hardy Th. (2002) Jude the Obscure. New York. Oxford University Press. 464 p.

Hardy Th. (2005) Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman Faithfully Presented. New York. Oxford University Press. 483 p.

Hardy Th. (2000) The Return of the Native. New York. Modern Library. 426 p.

Tolmatchoff V.M. English Novel from T. Hardy to J. Galsworthy. In: Foreign Literature of the late 19th– early 20th Century: For Bachelor Students. Moscow. Urait Publ. 2016, pp. 359–368.

Сведения об авторе:

Карина Александровна Хворостова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Karina A. Khvorostova,
PhD Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
karina.khvorostova@gmail.com